

И. Н. БУРСАК

<«Колчак все время вел себя спокойно...»>

В начале января губком РКП(б) получил сведения о приближении поезда с Колчаком и его свитой, а также «золотого эшелона» — состава с 29 вагонами золотого запаса России. Губком тотчас же начал переговоры с Политцентром о предъявлении командованию интервентов требования выдать Колчака, а также золотой запас, предупредив, что в случае попытки вывезти Колчака и золото на восток большевики взорвут кругобайкальские железнодорожные туннели. Командование интервентов вынуждено было принять требование Политцентра, чтобы обеспечить проезд своим войскам. К тому же выдачей Колчака интервенты рассчитывали в какой-то мере укрепить власть Политцентра.

15 января на станцию Иркутск подошел поезд с вагоном Колчака под охраной чешских легионеров. С этим же составом прибыли и восемь вооруженных рабочих во главе с начальником партизанского отряда В. И. Буровым¹, посаженных на станции Черемхово в качестве дублеров чешского караула. К вечеру заместитель командующего войсками Политцентра А. Г. Нестеров сообщил штабу рабоче-крестьянских дружин, что Политцентр получил согласие командования чехословацкого корпуса на арест Колчака, Пепеляева, их свиты и что ему Политцентр поручил провести эту операцию. Он просил начальника штаба рабоче-крестьянских дружин Букатого подобрать надежный конвой, который должен еще засветло прибыть на станцию.

Конвой собрали в основном из солдат бывшей инструкторской школы. Часам к семи вечера я пришел на вокзал к помощнику коменданта Польшаеву² и часов около девяти вечера увидел «верховного» и его «премьера», которых конвой во главе с Нестеровым вывел из салон-вагона и привел на вокзал в комендатуру. Колчак и Пепеляев были в подавленном состоянии, первый молчал, второй что-то шептал.

На вопрос Нестерова, есть ли у них оружие, Колчак вынул из кармана револьвер и вручил его Польшаеву, тот передал его мне. По предложению чехов, составили акт передачи Колчака и Пепеляева. Документ этот подписали представитель командования чехословацкого корпуса и Нестеров — уполномоченный Политцентра.

После этого из вагона вывели княжну³ Тимирёву — гражданскую жену Колчака, а также несколько офицеров штаба «верховного». Всех их препроводили в губернскую тюрьму.

В Иркутске в это время еще хозяйничали эсеры. Комендантом города был штабс-капитан Кашкадамов⁴, комендантом тюрьмы — офицер Кутепов⁵, родственник известного белогвардейского генерала Кутепова, начальником гарнизона — есаул Петелин⁶. Командовал войсками Политцентра штабс-капитан Калашников⁷. Не было никакой уверенности, что белогвардейцы (а их в Иркутске скопилось немало) не попытаются освободить всю банду во главе с «верховным правителем».

17 и 18 января Ширямов⁸ вызвал меня и сказал, что я назначен комендантом города вместо Кашакадамова, а В. Букатый — начальником штаба войск Политцентра вместо Бандейкина⁹.

Мне надлежало тотчас же приступить к исполнению обязанностей коменданта, но когда утром прибыл в комендатуру и предложил Кашкадамову сдать дела мне, он ответил, что о моем назначении ничего не знает, и стал звонить в Политцентр, но не дозвонился. Тогда Кашкадамов отправился к своему начальству лично.

Я тем временем сел за стол коменданта, вызвал адъютанта Сереброва¹⁰ (ныне он член КПСС, проживает в Чите) и, объявив ему о моем назначении, приказал вызвать командира комендантского батальона поручика Кудряшова¹¹. С ним я был связан ранее, как с человеком, сочувствующим большевикам. Позднее, в 1920 году, он был принят в члены РКП(б). Кудряшов явился быстро. Я приказал ему поднять батальон по тревоге и построить во дворе. На это ушло всего несколько минут. Я выступил перед солдатами с краткой речью, призывая перейти на сторону восставшего народа. Отобрав 20 бойцов, которых знал лично, расставил караулы по управлению и у дверей своего кабинета. В тот же день по указанию губкома я предложил есаулу Петелину сдать мне штаб гарнизона. Тот беспрекословно выполнил это требование.

Коменданту тюрьмы, которая теперь находилась в моем ведении как коменданта города, я дал указание принимать всех, кого будет направлять Чрезвычайная следственная комиссия Политцентра и другие органы, но никого ни в коем случае не выпускать без моего письменного разрешения.

В тот же вечер я приехал в тюрьму и вместе с ее комендантом и начальником караула прошел по корпусам, приказал поставить дополнительно круглосуточные караулы из бойцов рабочих дружин. После этого стал обходить камеры. Вошел и к Колчаку. Он сидел на койке в накинутом на плечи романовском полушубке. Увидев нас, встал. Между нами состоялся следующий разговор:

- Я комендант города и начальник гарнизона. Есть ли у вас жалобы?
- Никаких.
- Довольны ли вы питанием?
- Я эту пищу кушать не могу.
- Мы на воле сейчас не лучше питаемся.
- Следствие будет?
- Да, будет.
- Кто будет вести его?
- Чрезвычайная следственная комиссия. Уже назначена.

Проверку в тюрьме я проводил два-три раза в сутки и столько же раз докладывал Ширямову лично или письменно...

Допросы Колчака, начатые еще при Политцентре, продолжались. До перехода власти к большевикам мне пришлось как-то видеть Колчака на следствии. Держался он спокойно, видимо, у него была еще надежда как-нибудь выпутаться. Вопросы, на которые ему приходилось отвечать, были преимущественно общеполитическими. Другой характер приняли допросы, когда председателем Чрезвычайной следственной комиссии стал С. Чудновский. Колчак, очевидно, начал понимать, что дело его плохо. Большевики не эсеры. Каким-то путем факт перехода власти к большевикам стал известен Колчаку. В конце января, когда я при обходе тюрьмы зашел в его камеру, между нами состоялся такой разговор:

- Гражданин комендант, разрешите задать вопрос?
- Задавайте.
- Скажите, пожалуйста, кто у власти в Иркутске?
- Большевики. Военно-революционный комитет, которому Политцентр передал 20 января власть.
- А как отнеслись к этому чехи?
- 5-я армия гонит чехов на восток, как и остатки ваших армий, а здесь они боятся застрять на кругобайкальской дороге. Кроме того, восставшие войсковые части потребовали от Политцентра немедленной передачи власти большевикам. Ясно вам? Передача произошла без каких-либо инцидентов.
- Да, теперь многое стало ясно. Но почему меня продолжают допрашивать члены комиссии, назначенные Политцентром?
- Председателем Чрезвычайной следственной комиссии назначен член губернского комитета партии большевиков товарищ Чудновский

вместо Попова, а для окончания допросов пока оставлены юристы, члены комиссии, работавшие раньше.

Последние дни января и начала февраля прошли в напряженной подготовке к отражению подходящих к Иркутску частей каппелевской группы белых, которой командовал генерал Войцеховский¹². Энергично велась очистка города от белогвардейской агентуры, шло строительство оборонительных сооружений, формирование и подготовка новых дружин из добровольцев — рабочих, учащихся.

Силы противника нам не были известны. Особенно усложняла обстановку неясная позиция чехов. 29 января они нанесли вероломный удар в спину¹³ нашему отряду в тысячу бойцов под командованием А. Г. Нестерова, посланному Военно-революционным комитетом к станции Зима против каппелевских частей. Этот отряд чешское командование пропустило из Иркутска с обещанием соблюдать нейтралитет. И вдруг — предательство.

В городе опять стало тревожно. Осевшие в Иркутске белогвардейцы предприняли попытку, правда, неудачную, освободить Колчака.

3 февраля Чрезвычайная следственная комиссия представила ревкому список на 18 человек из числа содержащихся в тюрьме. В этом списке значились: А. Колчак, председатель Совета министров колчаковского правительства В. Пепеляев и другие наиболее отличившиеся в зверствах против рабочих и крестьян главари белогвардейщины.

На заседании 6 февраля Чудновский и я, учитывая, что генерал Войцеховский отказался сложить оружие и требует выдачи Колчака и его окружения, а также то, что, по данным, имеющимся в Чрезвычайной следственной комиссии и в следственном отделе управления коменданта города, в Иркутске действует белогвардейская организация, ставящая своей целью освободить Колчака и его помощников, настаивали на расстреле всех 18 человек. Военно-революционный комитет с нами не согласился и вынес приговор о расстреле только Колчака и Пепеляева. В постановлении ревкома говорилось: «Бывшего Верховного правителя адмирала Колчака и бывшего председателя Совета министров Пепеляева — расстрелять. Лучше казнь двух преступников, давно достойных смерти, чем сотни невинных жертв».

Вечером 6 февраля я был вызван в ревком, там уже находился предгубчека Чудновский. Ширямов вручил нам постановление о расстреле Колчака и Пепеляева. Мы вышли и договорились с Чудновским, что я подготовлю специальную команду из коммунистов. Коменданта тюрьмы предупредил о предстоящем расстреле и приказал ему не отлучаться и весь караул держать в боевой готовности. Во втором часу ночи я с командой прибыл в тюрьму. Через некоторое время туда подъехал Чудновский. Мы вошли в камеру к Колчаку и застали его одетым —

в шубе и в шапке. Было такое впечатление, что он чего-то ожидал. Чудновский зачитал ему постановление ревкома. Колчак воскликнул:

— Как! Без суда?

Чудновский ответил:

— Да, адмирал, так же как вы и ваши подручные расстреливали тысячи наших товарищей.

Поднявшись на второй этаж, мы вошли в камеру к Пепеляеву. Этот тоже был одет. Когда Чудновский зачитал ему постановление ревкома, Пепеляев упал на колени и, ваяясь в ногах, умолял, чтобы его не расстреливали. Он уверял, что вместе со своим братом генералом Пепеляевым давно решил восстать против Колчака и перейти на сторону Красной Армии. Я приказал ему встать и сказал:

— Умереть достойно не можете...

Снова спустились в камеру Колчака, забрали его и пошли в контору. Формальности закончены.

К 4 часам утра мы прибыли на берег реки Ушаковки, притока Ангары¹⁴. Колчак все время вел себя спокойно, а Пепеляев — эта огромная туша — как в лихорадке.

Полнолуние, светлая морозная ночь. Колчак и Пепеляев стоят на бугорке. На мое предложение завязать глаза Колчак ответил отказом. Взвод построен, винтовки наперевес. Чудновский шепотом говорит мне:

— Пора.

Я даю команду:

— Взвод, по врагам революции — пли!

Оба падают. Кладем трупы на сани-розвальни, подвозим к реке и спускаем в прорубь. Так «Верховный правитель всея Руси» Колчак уходит в свое последнее плавание...

